

Чжу Фугуй прошёл из-за двери и махнул рукой, отпуская слуг: — Цзянянь, девочка уже выросла, ей пора повидать мир.

— Но сколько же лет моей Юэ-эр? — со слезами на глазах проговорила Ма Цзянянь.

— У Юэ-эр есть голова на плечах, она понимает, чего хочет, так что можешь не переживать, — Чжу Фугуй обнял её. — К тому же у тебя есть я.

Оставим суматоху в поместье Чжу, а тем временем Линь Юэ шаг за шагом, то спотыкаясь, то выравнивая шаг, плелась следом за собственным учителем: — Учитель, куда мы направляемся?

— На вершину горы. — Цинь Цзянь смотрел в сторону горной макушки, и шаг его был твёрд и уверен.

Кормилица, нёсшая на руках Бэй Тинтин, уже выбилась из сил и тяжело дышала. Заметив это, Цинь Цзянь лишь легко взмахнул рукавом, и кормилица тут же почувствовала, как ей стало легко дышать.

— Какое чудо! Господин Цинь, как вы это сделали? — В глазах кормилицы проступили изумление и восторг.

Цинь Цзянь ничего не ответил. Поддерживаемая его силой, кормилица зашагала так легко, будто летела, и уже спустя мгновение шла наравне с Цинь Цзянем. Позади осталась лишь Линь Юэ, которая пыхтела вслед обоим спутникам, высунув язык, словно собака.

— Месть, это чистой воды месть... — Линь Юэ согнулась пополам, тяжело и глубоко втягивая воздух. — И надо же было новому учителю оказаться таким мелочным... Подумаешь, прихватили с собой парочку лишних людей... — мысленно ворчала она. Впрочем, так даже лучше: если учитель решит выместить всё своё недовольство на ней, для Тинтин и остальных это будет только к лучшему.

Линь Юэ и не подозревала, что тот самый мелочный учитель, о котором она только что думала, уже развернулся и шёл прямо за ней. Заметив, что Линь Юэ терпеливо преодолевает шаг за шагом, не издав ни единой жалобы, Цинь Цзянь наконец удовлетворенно кивнул.

Когда Линь Юэ с невероятным трудом вскарабкалась на вершину горы, она увидела, что кормилица сидит у костра и угощает Бэй Тинтин ужином, а Цинь Цзянь жарит рыбу на огне. Какая же вырисовывалась картина идиллического семейного пикника... У Линь Юэ даже пропали силы возмущаться — шлёпнувшись на землю, она обессиленно растянулась у костра.

— Стоять, — холодно бросил Цинь Цзянь два слова. Заметив на лице Линь Юэ обиженное выражение, он немного подумал и пояснил: — Когда выбился из сил, сидеть нельзя — разовьёшь лень.

Линь Юэ тут же подскочила на ноги, только вот ноги жутко ослабли и крупно дрожали.

— Иди жарить рыбу, — Цинь Цзянь неизвестно откуда извлёк плетёный короб. — По десять штук на каждого. Сначала зажаришь для нас, потом поешь сама.

И Линь Юэ принялась непрерывно переворачивать рыбу, стараясь, чтобы та не подгорела и пропеклась как надо. Руки ныли от усталости, ноги едва держали тело, но когда дело было наконец закончено, Линь Юэ рухнула на землю и принялась за еду. Вообще-то в рыбе не было никаких особых специй, и на вкус она оказалась посредственной, но для неё, выжатой до

последней капли сил, это было поистине божественное кушанье.

Вдруг Линь Юэ почувствовала, как кто-то дёргает её за одежду. Опустив голову, она увидела, что Бэй Тинтин уже давным-давно стоит рядом, сжима К в ручонках две шпажки с жареной рыбой: — Сестрица, я наелась, возьми.

Линь Юэ подняла взгляд, бросила быстрый испуганный косяк на Цинь Цзяня и взять не осмелилась: — Умничка Тинтин, сестрица не может есть. Отдай это кормилице или господину?

Бэй Тинтин растерянно мотнула головкой, после чего решительным шагом направилась к Цинь Цзяню: — На, ешь.

— Я не ем. — Лицо Цинь Цзяня казалось бесстрастным, но черты его словно слегка исказились, и весь его вид приобрёл какую-то комичную беспомощность.

— Не будешь есть ты — сестрица тоже не станет... — Бэй Тинтин поджала губки и уже собиралась заплакать.

— Сестрица ест! — Цинь Цзянь тут же указал пальцем на Линь Юэ, отчаянно пытаясь избавиться от малышки.

Маленькая Тинтин круто развернулась и снова бросилась к Линь Юэ.

— Учитель, тогда я ем? — На душе у Линь Юэ распустились цветы. Солнышко моё, ты и вправду чудо! Ха-ха-ха, она раскусила слабость учителя! Теперь-то она заживёт на широкую ногу! Она самодовольно усмехнулась.

— Ешь давай и меньше болтай! — Цинь Цзянь окончательно утратил невозмутимость. Бросив эту фразу, он поспешно поднялся на ноги и скрылся в соломенной хижине.

Кормилица больше не смогла сдерживаться и громко прыснула со смеху.

Линь Юэ усадила Тинтин себе на колени, другой рукой ухватила за палочки с рыбой и принялась уплетать за обе щеки.

Лёгкий вечерний ветерок уносил прочь дневную усталость, над головой мерцали звёзды, в воздухе разливался запах трав, и ночь казалась бесконечно долгой...

За этот год Линь Юэ обошла со своим учителем весь Цзяннань и земли далеко за его пределами. На каждой остановке они задерживались на пару недель — как раз столько времени требовалось девушке, чтобы усвоить полученные знания. За этот же год в Цзянху произошло немало крупных событий: к примеру, пало государство Мин, и его бродячие мастера боевых искусств рассеялись повсюду, оставив после себя кровавый след в других странах; или взять хотя бы гибель клана Благородных Мечей...

Выходит, события докатились уже до этого момента. Сидя в таверне небольшого пограничного городка, Линь Юэ грызла паровой пампушкой и внимательно прислушивалась к новостям из мира боевых искусств, как вдруг заметила, что Тинтин принялась мять в ручках кусок теста. — Тинтин, нельзя так баловаться, это еда, с ней не играют.

Бэй Тинтин послушно проглотила пампушку, а Линь Юэ, обернувшись, увидела, что её учитель принёс откуда-то сверток с младенцем. Широко распахнув глаза, она недоверчиво спросила: — Учитель, где вы его подобрали?

— В пустыне. — Ответ Цинь Цзяня был столь же кратким, как и прежде. Ночью господин Цинь пригласил лекаря присмотреть за ребёнком. Кормилица изначально тоже собиралась ухаживать за малышом, но Линь Юэ её прогнала. Глядя на сведённые брови младенца, она ничего не сказала.

Когда ребёнку стало лучше, господин Цинь передал его на воспитание в одну из семей в пограничном городке, а сам вместе со своими учениками и остальными людьми отправился в путь. Линь Юэ с облегчением выдохнула: если бы Фу Мяо в этой жизни вырос среди крестьян, с чего бы ему потом податься в мир Цзянху? Однако она никак не ожидала, что ситуация с Фу Мяо окажется столь запутанной.

Глядя на свою номинальную жену Бэй Тинтин, которая умерла прямо у него на глазах, и чувствуя, как её кровь брызгает ему на лицо — какой же это был глубокий и страшный опыт. Фу Мяо не успел ни о чём подумать, он машинально протянул руки, чтобы обнять Бэй Тинтин, но кто-то сзади пронзил его тело мечом. В конце концов он умер вместе с женой, которая так сильно любила его, вот только... никто не пожелал забрать его тело.

Фу Мяо испытывал жгучую ненависть. Он люто ненавидел этот мир боевых искусств: все они сидели сложа руки и бездействовали, из-за чего его семья была разрушена, а он сам, старший сын, чьё богатство должно было соперничать с императорской казной, в одночасье скатился до положения распутного бродяги, скитающегося по всему свету. Ненавидел он и своего учителя — Цинь Цзяня, который всегда учил его урывками, утаивая самое главное, и передал ему меньше знаний, чем двум соученицам. Разве не потому, что те были женщинами и умели подлизываться? К тому же этот Цинь Цзянь посмел вмешаться в его дела — поделом ему, дохляку, что он сдох.

Фу Мяо ненавидел и Линь Юэ. Ведь она уже была с ним помолвлена, они прошли половину обрядов свадебного протокола, но из-за Бэй Тинтин она вдруг отказала ему и пожелала порвать все отношения! И ведь Линь Юэ так нежно относилась к Бэй Тинтин, так какая же разница, если бы две женщины служили одному мужу? Бэй Тинтин — из императорского рода Си Ся, а она, Линь Юэ, всего лишь дочь торговца, с какой стати Бэй Тинтин должна уступать? Не проще ли было просто-напросто выйти за него замуж, принеся с собой семейное состояние?

Что же касается Бэй Тинтин, Фу Мяо не испытывал к ней ни ненависти, ни привязанности — его чувства к этой женщине были крайне сложными. Лишь перед самой смертью, когда Бэй Тинтин спасала его ценой собственной жизни, в его сердце шевельнулось нечто похожее на сострадание. Но от этого не было никакой пользы. Для мужчины, чьи амбиции превосходили всё остальное, любовь Бэй Тинтин была совершенно бесполезна: какую помощь она могла оказать, кроме своего происхождения из императорской семьи Си Ся? Он-то полагал, что, женившись на Бэй Тинтин, он автоматически получит под свою власть Си Ся. Кто бы мог подумать, что у правителя Си Ся, помимо брошенной и забытой всеми Бэй Тинтин, найдётся ещё и внебрачный сын, скитающийся среди простого народа? Это известие буквально взбесило его, заставив едва не лопнуть от злости. К тому времени Линь Юэ была уже мертва, семья Чжу оказалась в его руках, и если бы не поддержка со стороны какого-то безымянного младшего брата Бэй Тинтин, Фу Мяо давно бы уже изгнал её. Но даже несмотря на это, Фу Мяо никогда не прикасался к ней. Убив учителя, Фу Мяо завладел Бесподобным трактатом меча, где чёрным по белому было написано: «Желающий овладеть этим искусством должен сперва оскотиться». В итоге он стал кем-то средним между мужчиной и женщиной, к Бэй Тинтин он

не испытывал ровно никаких чувств, питая к ней лишь скрытую брезгливость.

Но Фу Мяо и помыслить не мог, что после смерти человеку выпадет шанс начать всё заново. И эта истина стала особенно очевидной, как только он открыл глаза и увидел Цинь Цзяня. Он не мог произнести ни слова, стоило ему открыть рот, как раздавалось лишь невнятное агуканье, слюна текла ручьем, а крошечные ручки и ножки совершенно не слушались.

Именно тогда, оказавшись ближе всего к Цинь Цзяню, Фу Мяо заметил на его подбородке редкую, не до конца сбритую щетину. Его глаза округлились: если бы Цинь Цзянь изучал Бесподобный трактат меча, откуда у него могла взяться щетина? А если Цинь Цзянь не занимался по этому трактату, то как его боевые искусства могли достичь столь невероятной высоты? Оставалось лишь одно объяснение: Цинь Цзянь знал, что он попытается похитить трактат, и намеренно подsunул ему фальшивку. Сердце Фу Мяо зудело от лютой ненависти, однако он не мог вымолвить ни слова, и стоило ему приоткрыть рот, как слюна снова капала на землю. Плотно сжав губы, он перестал плакать и капризничать, думая про себя: «Разве Цинь Цзянь не любит послушных детей? Если я сейчас не буду плакать и шуметь, я ему понравлюсь. А когда я научусь у него всему, я его убью».

Не успел Фу Мяо ничего предпринять, как к нему подошла незнакомая женщина. Она бережно взяла его на руки и тихонько запела, убаюкивая. Её пение было вовсе не сказать чтобы красивым, но оно невероятно сильно клонило его ко сну, а её грубые руки почему-то казались такими тёплыми, словно... словно материнские объятия...

Фу Мяо заснул. В полудрёме ему показалось, будто он видит Линь Юэ: «Юэ-эр, не уходи, я был неправ. Мы росли вместе с малых лет, ты не должна сомневаться в моих чувствах. Давай не будем ссориться, умоляю, я правда не хотел тебя убивать...» — кричал во сне Фу Мяо, пытаясь протянуть руку, но Линь Юэ уже ушла далеко.

Однако, когда Фу Мяо проснулся вновь, он увидел перед собой старое морщинистое лицо, которое до смерти его испугало. До его слуха доносилась сплошная деревенская брать, и ему приходилось напрягать все силы, чтобы разобрать слова. Оглядевшись вокруг, он понял, что находится в какой-то крайне убогой хижине, и невольно засомневался: ведь он собственными глазами видел Цинь Цзяня, почему же теперь он в таком месте? Ошибиться он никак не мог, а значит, оставалось лишь одно: Цинь Цзянь просто бросил его. Лицо Фу Мяо мгновенно почернело от гнева. Не будем касаться того, что происходило у Фу Мяо. Линь Юэ задумчиво смотрела на Бэй Тинтин. По ходу событий в Мире Тинтин должна была быть всеобщей младшей сестрёнкой, так почему же она оказалась старше Фу Мяо? Потрогав маленькую головку Бэй Тинтин, она с некоторым недоумением протянула:

— Прошел уже год, Тинтин, как же ты совсем не выросла?

— Мм? — Бэй Тинтин грызла леденец на палочке, подняла голову и бросила на Линь Юэ взгляд.

Ах, какая же у меня невеста милашка. Эти угольно-черные, чистые глаза, этот розоватый ротик, с аппетитом грызущий леденец — Линь Юэ была совершенно покорена этой прелестью. Она резко подхватила Тинтин на руки и чмокнула в щечку.

Из-за этого движения Тинтин промахнулась мимо леденца и недовольно надула губки:

— Сестрица, злая.

— Ладно-ладно, это сестрица злая, — ответила Линь Юэ, усаживая Тинтин себе на колени, прижимая к себе и глупо улыбаясь от переполнявшего её счастья.

Первое, что увидел вошедший в дверь Цинь Цзянь — это как его собственная ученица сидит и глупо улыбается. У него на лбу тут же проступили черные линии. Эта ученица во всем хороша, вот только ко всяким там разговорам о мнимой невесте подходит совершенно несерьёзно.

— Чего лыбишься? Ты сегодня стояла в стойке на лошади?

Этот вопрос прозвучал прямо как какая-то реклама напитка по телевизору — в духе: «А ты сегодня попил?», про себя усмехнулась Линь Юэ, но послушно опустила Тинтин в сторону:

— Учитель, я уже отстояла стойку на лошади, и к тому же прогнала комплекс меча, которому вы меня научили, уже целых пять кругов.

Она развела руками, а на ее лице застыло некое подобие загадочного самодовольства, так и кричавшее: «Ну похвали меня, ну похвали же!»

Цинь Цзянь поперхнулся:

— Сейчас только начало часа, как это ты уже всё закончила?

Он нахмурился. Отсутствие должного усердия еще можно было исправить наказаниями, но ложь... никак не назовешь хорошим качеством.

— Я не хочу спать, — с некоторым отчаянием ответила Линь Юэ.

— ...

Цинь Цзянь отвернулся и пару раз кашлянул, а кончики его ушей слегка покраснели.

— Что тут у вас? Братец Цзянь? — кормилица госпожа Жун вошла в комнату, неся глиняный горшочек с супом.

— Ничего, — решительно покачал головой Цинь Цзянь.

Полгода назад Цинь Цзянь и госпожа Жун поженились. Поначалу Линь Юэ была сильно удивлена: ведь по изначальному сюжету Мира Цинь Цзянь и госпожа Жун были вовсе не знакомы. Впрочем, раз уж даже это смогло измениться, Линь Юэ обрела еще большую уверенность в будущем.

Госпожа Жун поначалу тоже не верила, что какой-то отшельник высокого уровня положит на нее глаз. Она ведь уже была замужем, по слухам, приносила смерть мужьям и детям, да к тому же оставалась всего лишь малообразованной крестьянкой, из всех достоинств которой имевшей разве что умение хорошо готовить. Но этот мужчина сказал, что ценит именно ее стряпню и считает, что она прекрасно о нем заботится. Быть может, его слова и не казались чем-то особенным, но они были такими простыми и искренними — сами собой они тронули сердце госпожи Жун. И тогда она согласилась, став наставницей Линь Юэ. Как и прежде, она продолжала заботиться обо всех троих.

— Матушка-наставница! — радостно подпрыгнула Линь Юэ вместе с Тинтин.

— Эх... — отозвалась госпожа Жун. — Что Юэ-эр хотела бы отведать на обед?

— Хочу тушеную свиную рульку! — у Линь Юэ загорелись глаза. Последние дни ее силой заставляли есть одну зелень, так что от недоедания ей уже казалось, будто вокруг всё стало зеленого цвета.

— Юэ-эр, — Цинь Цзянь нахмурился, протягивая имя.

— Матушка-наставница! Посмотрите, учитель обижает меня, он урезает мне паек...

Линь Юэ принялась фальшиво плакать. Стоило ей заплакать, как тут же заревела и Тинтин, чем до глубины души расколола сердце госпожи Жун.

— Ладно тебе, братец Цзянь, видишь — это же всего один раз, разреши уж. Посмотри, до чего ребенок исхудал... — госпожа Жун повернулась и ласково произнесла это.

— ...

Цинь Цзянь меньше всего умел справляться с женщинами и детьми.

— Как знаешь, — с недовольным видом бросил он эти два слова.

Успокоив Тинтин, госпожа Жун радостно отправилась на рынок за покупками.

Заметив, что госпожа Жун ушла, Линь Юэ поджала губы и задала вопрос, давно тревоживший ее сердце:

— Учитель, почему Тинтин уже целый год совсем не растет?

Она помнила, что в этом возрасте уже начала вытягиваться в рост, но у Тинтин не изменился не только рост, но и всё остальное.

Цинь Цзянь опустил голову и внимательно взгляделся в лицо Бэй Тинтин, после чего резким движением схватил ее за запястье, проверяя пульс. На миг его брови сошлись на переносице, но едва он отпустил руку, как Тинтин в испуге забила в объятия Линь Юэ. Глядя на испуганную девочку, Цинь Цзянь медленно произнес:

— Ее отравили лекарством.

В глазах Цинь Цзяня промелькнула то ли жалость, то ли какие-то другие чувства.

— Что? — потрясенная Линь Юэ крепко обняла Бэй Тинтин. — Учитель, умоляю, спасите Тинтин, прошу вас, учитель!

Она тут же опустилась на колени, увлекая за собой и Бэй Тинтин.

— Твои мольбы мне не помогут, — вздохнул Цинь Цзянь. — Это лекарство не отнимает жизнь, оно лишь задерживает развитие человека. Те, кто отравлен им, обладают выдающимися умственными способностями и ослепительной, несравненной красотой в зрелые годы, но срок их жизни недолог. Если не случится непредвиденного, тридцать лет — это предел.

Линь Юэ словно лишилась всех костей в теле. Она опустилась на пол, бездумно глядя на лицо

Бэй Тинтин, а по ее щекам неудержимо покатались слезы.

— Сестрица, не плачь... — Бэй Тинтин не понимала смысла их слов, она лишь видела, что старшая сестрица рядом сильно опечалена. Поколебавшись и бросив взгляд на леденец в своей руке, она словно приняла какое-то решение и протянула лакомство: — Сестрица, на... не плачь...

— Сестрица не плачет... — с дрожащими губами Линь Юэ взяла леденец в рот, и этот кисло-сладкий вкус заставил ее слезы политься еще сильнее.

— Сестрица, почему ты все еще плачешь... — надула щеки Бэй Тинтин, чувствуя некоторое разочарование.

— Сестрица не плачет, сестрица радуется! — Линь Юэ крепко прижала Бэй Тинтин к себе. — Тинтин, послушай меня, у нас впереди еще двадцать шесть лет вместе! Целых двадцать-шесть лет! Я так счастлива!

Она утерла лицо и взяла себя в руки:

— Разве ты не говорила вчера, что хочешь пирожных? Пойдем, сестрица тебе приготовит.

Глядя на удаляющиеся силуэты двух девочек, державшихся за руки, Цинь Цзянь стоял под плетью глицинии словно каменная статуя. До боли знакомое лекарство... Тайный яд определенной секты — как он мог оказаться в организме маленькой девочки Бэй Тинтин? Цинь Цзянь не знал этого. И... не хотел знать. Он просто вспомнил другую отравленную этим зельем. Вспомнил ту женщину, что умерла до него, ту женщину, которая, подобно его жене госпоже Жун, подарила ему домашнее тепло — его родную старшую сестру.

Потому этот тайный яд и звался тайным, что от него не существовало ни рецепта, ни противоядия — передавались лишь готовые составы. С годами тех, кто принимал это зелье, становилось всё меньше, но каждый из них неизменно сеял хаос и кровь в Цзяньху. Цинь Цзянь решился взять ученицу вовсе не потому, что ему было скучно: он ни за что не позволил бы использовать Бэй Тинтин так же, как использовали его сестру, и никогда не допустил бы, чтобы Бэй Тинтин превратилась в очередное бедствие, баламутящее мир боевых искусств!

С тех пор как Бэй Тинтин в полном неведении признала Цинь Цзяня своим учителем, она погрузилась в пучину суровых испытаний вместе со своей сестрицей.

Вставать до рассвета для стойки на лошади; сразу после стойки — стирка белья; после стирки — помощь на кухне госпоже Жун без права воровать еду; после еды — ношение воды. Место, где они жили, находилось далеко от ручья, а стоило закончить с водой, как сестрица тащила ее охотиться на змей и мелких птиц. Сперва, завидев змей, Бэй Тинтин до смерти пугалась и заливалась слезами, вцепляясь в Линь Юэ; если бы не следовавший по пятам Цинь Цзянь, Линь Юэ давно бы уже угодила в пасть ядовитой змее. После охоты возвращение домой, вечерние занятия, а перед сном — еще полчаса игры на цине. У Бэй Тинтин опухали руки, но слезы не помогали: даже любившая ее госпожа Жун не смела вмешиваться, позволяя ей выплакивать голос до хрипоты, пока Линь Юэ просто сидела рядом. В конце концов Бэй Тинтин смирилась со своей участи. Ох, до чего же тяжелая у нее жизнь!

— Держи, — издалека Линь Юэ бросила в сторону Бэй Тинтин какой-то сверток.

Бэй Тинтин развернула его, и у нее тотчас потекли слюнки — это же была запеченная курица! Такой соблазнительный аромат... Сглотнув слюну и уже собираясь вгрызться в угощение, она

обнаружила, что курицу отобрали.

— Учитель! — громко возмутилась она. — Как вы можете так поступать?

— Ну что ты, Тинтин, твою сыновнюю почтительность наставник принял, я очень тронут. Но утренние и вечерние занятия отменять нельзя. Небеса возлагают великую миссию на человека, так что давай-ка поднажми, — с поистине отеческой заботой подбодрил ее Цинь Цзянь.

Бэй Тинтин воочию наблюдала, как Цинь Цзянь прошел мимо нее, зажав в зубах куриную ножку. Она разозлилась так сильно, что готова была подпрыгнуть и отлупить его, да только победить всё равно не могла. Эх-эх-эх.

— Держи, — Линь Юэ подошла к Бэй Тинтин, когда Цинь Цзянь удалился. — Я приберегла еще одну ножку.

— Ой, сестрица, ты такая хорошая! — Бэй Тинтин выхватила куриную ножку, запихнула ее в рот и, жуя, с чувством бормотала слова благодарности.

— Ты же моя невеста, конечно, я к тебе хороша, — уголки губ Линь Юэ изогнулись в улыбке, и она любовно смахнула пальцем жир с губ Бэй Тинтин.

— Мм? Сестрица, а как же ты? — проглотив ножку, Бэй Тинтин наконец осознала этот момент. Она замерла, сжимая в руке куриную косточку, охваченная сложными душевными терзаниями.

— Сестрица уже поела в городе, не переживай, — Линь Юэ ущипнула Бэй Тинтин за щеку. — Мне пора на вечерние занятия, а ты не засиживайся допоздна, не то учитель снова будет читать нотации.

— ...

Бэй Тинтин действительно терзалась сомнениями. Хотя внешне она и казалась крошечной, с каждым годом ее возраст увеличивался, да и умом она не обделена — девочка сразу догадалась, что Линь Юэ соврала. Но ведь та сделала это ради нее! Ее маленькое личико сморщилось в один сплошной комок сомнений: «Ладно, не буду думать об этом. Просто буду получше относиться к сестрице в будущем...» С этими мыслями она швырнула куриную косточку и отправилась на вечерние занятия.

На следующий день, едва Цинь Цзянь встал и закончил играть на цине, он увидел, как его годовалый ребенок поднял с земли обглоданную куриную кость и сунул ее в рот. Он в мгновение ока применил Цингун, вырвал эту кость из ее рук, после чего имел «удовольствие» услышать истошный вопль своего чада, напоминавший раскаты грома...

<http://bllate.org/book/21666/2235479>